

УДК 623.11

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ФОРТИФИКАЦИИ X–XVI ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ

(работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6.)

© А.М. Губайдуллин

WRITTEN SOURCES CONCERNING FORTIFICATION IN THE VOLGA REGION DURING THE X-XVI CENTURIES

Статья посвящена рассмотрению средневековых письменных источников, в которых упоминаются крепостные сооружения Волжской Булгарии и Казанского ханства. Автор статьи также обращает внимание и на отражение в данных источниках способов осады и обороны крепостей. Сведения арабских и персидских писателей, а также ногайских и русских источников дают нам некоторое представление о фортификации того времени. На основе этих сведений мы можем попытаться реконструировать облик некоторых оборонительных конструкций и эволюцию всего военного зодчества на протяжении X–XVI вв.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Казанское ханство, фортификация, письменные источники.

Medieval written sources in which the fortifications of Volga Bulgaria and Kazan khanate have been mentioned are analyzed in the article. The author also pay attention to the revealing in these sources the ways of a siege and defenses of fortresses. Data by the Arab and Persian writers as well as by the Nogai and Russian sources give us some idea of fortification during that period. Based on these sources we can try to reconstruct a shape of some defensive designs and evolution of all military architecture throughout the X–XVI centuries.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Kazan khanate, fortification, written sources.

Для изучения фортификации, в том числе и памятников военного зодчества любого народа и государства, несомненно, важную роль играют сообщения письменных источников. В них так или иначе отражены не только происходившие исторические события, но и приводятся некоторые сопутствующие им краткие описания, касающиеся городов и их оборонительных сооружений. Так, например, наиболее ранние сведения по укреплениям поселений Волжской Булгарии мы можем почерпнуть в арабо-персидских и русских источниках.

О Булгарском государстве появляются сообщения в арабских письменных документах еще практически со времени становления его в Среднем Поволжье. Несмотря на их краткость, мы имеем некоторое представление о предмете исследования. Пожалуй, первым здесь можно назвать среднеазиатского географа Абу-Абдаллаха Мухаммада ал-Джайхани, писавшего в первые десятилетия X в. Его перу принадлежит интересное, на наш взгляд, сообщение: «У них два города, один из них называется Сувар, а другой называется Болгар; между

двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов» (Заходер, 1967, с. 37). Судя по нему, мы видим, что здесь булгары использовали для своей защиты т.н. «естественную фортификацию». Нельзя исключать также и дополнительного применения засек, устройство которых уходит корнями в древность¹.

К одним из ранних упоминаний крепостных сооружений булгар можно отнести и краткие сведения из письма хазарского кагана Иосифа в Кордовский халифат. В нем, в частности, говорится: «Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах» (Коковцов, 1932, с. 98–99). Примечательно, что эти данные относятся к середине – второй половине X века, в наше же время они подтверждаются и археологически. Об этом свидетельствуют оборонительные сооружения многих городищ Волжской Булгарии,

¹ Засака – тип заграждения, состоявшего из не менее трех рядов деревьев, которые повалены крест на крест в сторону возможного нападения неприятеля.

например, Билярского, Суварского, Коминтерновского II, Танкеевского и др.

Посетивший Волжскую Булгарию в первой половине XII века арабский путешественник Абу-Хамид Мухаммад ал-Гарнати писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба» (Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 30). Его современник, знаменитый арабский географ Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси в своем сочинении указывал, что в стране болгар «находится город Сабун. Это укрепленный город, (расположенный) на вершине горы...» (Коновалова, 1999, с. 192). Для написания своей работы он заимствовал сведения у более ранних авторов и нам сложно идентифицировать и локализовать этот памятник. Все же само упоминание такого, возможно, неординарного укрепленного поселения является интересным фактом. Тем более что подобного типа болгарские городища известны науке.

В сочинении середины XIII в. «История завоевателя мира» (закончено в 1260 г.) персидского историка Ала ад-Дина Ата-Мелика ибн Мухаммеда Джувейни имеются некоторые сведения о городах Волжской Булгарии времени захвата их монголами: «Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью...» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 40). Интересным, на наш взгляд, может быть и описание окрестностей одного из городов: «...а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что нельзя было проползти змее» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 41). Является ли это только указанием на природные защитные свойства местности или здесь говорится еще и о дополнительных рукотворных засеках – вопрос открытый. Ала ад-Дином Джувейни показан и один из способов штурма городов, которые использовали монголы. В данном случае это осада неизвестного города – М.л.с. или М.к.с. (по Джувейни): «Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать три–четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 41).

В русских же летописях даются более конкретные сведения, где уже упоминаются «ворота городные», «плоть», «твердь оплотом»,

а также некоторые способы осады и штурма крепостных сооружений, которые применяли как болгарские, так и русские дружины: «обстоупиша градъ...», «приидоша Болгаре... безъ весте и остоупиша градокъ в лодияхъ, бе бо малъ градокъ, и изнемогаху людие въ граде гладомъ и жажею, и не бе лзе никому же изити изъ града и дати вестъ...», «расекше плоть, вбиша я в градъ и отяша у нихъ врата, и зажгоша градъ ихъ, и взяша и на щить» (ПСРЛ, т. I, 1962, с. 390, 443–444; ПСРЛ, т. II, 1962, с. 625; ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 96; ПСРЛ, т. XV, 1965, стлб. 269; ПСРЛ, т. 24, 1921, с. 72–73, 77). Вызывает интерес система укреплений болгарского города Ошеля и эпизод его обороны, отраженные в летописях: «... около же града бе острогъ, тын дубовъ, а за нимъ два оплота и межи ними вал съсыпанъ, и по тому валу рышуще из затыниа бяхуся» (ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 127; ПСРЛ, т. XV, 1965, с. 330).

Если для золотоордынского времени письменных сведений по болгарской фортификации недостаточно, то для эпохи Казанского ханства они представлены более широко. К наиболее ранним источникам здесь можно отнести сообщения Никоновской и Воскресенской летописей, «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, «Историю о Казанском царстве (Казанский летописец)» неизвестного автора и «Историю о великом князе Московском» князя А.М. Курбского.

В Никоновской летописи под 1500 г. говорится: «Царь же казанский повеле около града нарядити острог...» (ПСРЛ, т. XII, 1965, с. 253). Этот тип укреплений упоминается и под 1530 г.: «острогъ у нихъ по Булаку взяша», «въ остроже» (Воскресенская летопись, т. 3, 1998, с. 360); те же и другие оборонительные конструкции упомянуты под 1552 г.: «на Арьскую засеку», «обламки», «острог бе их рублен городнями и землею насыпан», «многими засеками засечено», «крыющесе в ямы и рвы копающе под врата градцкые и под стену и рышуще норы под тарасы», «у всяких ворот за рвом тарасы великие, землею насыпаны», «на мостех градных и воротех и такожде и о стенах», «на стенах градных и ворот града и в башне града» (ПСРЛ, т. XIII, 1965, с. 201–221).

Насколько достоверными являются эти описания, нам судить трудно, тем более памятуя о том, что зачастую авторы летописей плохо представляли себе некоторые отображаемые ими предметы. В значительно степени, конечно, это касается военно-инженерной науки.

С. Герберштейн в своих записках, касающихся событий 1524 г., упоминает «Казанскую крепость, построенную из дерева» и «крепостной холм» (Герберштейн, 1988, с. 177). Не совсем только понятно по тексту, что он имел в виду, говоря о «крепости» – крепостную ограду посада или кремля, так как нам известно и о построенном ранее посадском остроге.

Из «Истории о Казанском царстве» мы также можем почерпнуть некоторые сведения по фортификации XV – первой половины XVI вв. Интересен факт строительства ханом Улу-Мухаммедом ледяной крепости: «и здела себе град ледяныи, из реки влача толстыи лед, и снегом осыпа, и водою поляя...», «и затворися во граде ледяном», упоминаются здесь также и «градные врата» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 214, 218). Впоследствии летопись приписывает ему и перестройку укреплений Казани, где он «постави себе деревянныи град крепок, на новом месте, крепчайше старого, не далече от старые Казани...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 220).

Одним из серьезных примеров наличия в Казанском ханстве военно-инженерной науки и существования специалистов-фортификаторов является описание разгрома в 1524 г. «казанской черемисой» судовой рати князя И. Палецкого, когда в узких местах реки, «в местех островных запрудиша великим древием и камением, и доспеша аки праги», что привело к скоплению многих судов, которые стали разбиваться друг о друга. После этого, срубив толстые деревья «и держажу на ужех, и на ладия пушажу со брехов, удуже миновати им», в результате чего «от единого древа ладеи пять болши погружахуся с людми и з запасом» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 248). Здесь мы видим применение прообраза т.н. «албанского камнемета»², только вместо камней были использованы бревна – тип катков, укладываемых обычно на крепостных стенах, чтобы во время штурма сбрасывать на противника в ближнем бою (Губайдуллин, 2006, с. 31, 72).

Под 1530 г. автор «Истории о Казанском царстве» пишет, что хан Сафа-Гирей повелел строить «подле Булака острог, около посаду, по Арскому полю, от Булаку же и до Казани реки, и около его рвы копати по-за острогу,... яко граду помочь будет и посады от запаления, от огня, целы отстоят» и, таким образом «зделану бывшу острогу повелением царе-

вым вскоре крепку, и велику, с камением и з землю, двема же концами ко граду притчену ему...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 252, 254). Впоследствии автор также замечает: «И кто может град таков стрелами взять едиными, без пушек, аще не Господь его некако предасть» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 282).

В 1552 г. перед приходом войск Ивана IV казанцы начали «крепити град, и застениша вси врата граду камением и землю...с приступных мест града бреши, и да ведает кождо их воевод свою страну и крепце блюдет и вся устрояет и готовит...» и стала Казань «яко великая гора каменная твердо стояше град и неподвижимо ни откуду же...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 131, 133). Об укреплениях города также говорится: «Много град же Казань тверд бяше, паче меры, подобен каменной горе; стена дубовая рублена в целых древесех, а в городни сыпан ил да хрящ...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 452).

Основные крепостные сооружения Казани вызывали удивление и уважение противника. В «Истории о Казанском царстве» под 1552 г. пишется, что Иван IV при объезде вокруг Казани «смотряше стенныя высоты и мест приступных, и увидев удивися необычной красоте стен крепости града» и было отчего: «Град же Казань зело крепок, велми, стоит на месте висоце, промеж двою рек Казани и Булака, и согражден в седьм стен, в велицех и толстых древесей дубовых: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступныи» и далее: «и яко крепкими стенами и водами вкруг обведен бе град, и токмо со единыя града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту 7 сажен и прекопана около ея стремнина велия, глубока. И от сего Казанцы не малу себе притяжаша крепость, не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася восстанут и подвигнутся на них, крепок бо бе град их» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 119–120).

Кроме собственно Казани здесь упоминаются также «крепичи черемисские», «великие и малые остроги» и «укрепления», а также «острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы, и живет людей много в нем, и брегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратей никако же, стоит от Казани 60 верст, в местех зело крепких и в непроходных, в дебрых и блатах, едином путем к нему притти и отоити» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 126–127).

² Албанский камнемет – препятствие, которое применялось при обороне в горных условиях. Состояло из камней, удерживаемых бревенчатой стенкой. Для приведения в действие, веревки, держащие бревна, обрубались и камни скатывались вниз на противника.

Определенный интерес вызывает информация, отраженная в ханских ярлыках. Так, в ярлыке хана Ибрагима упоминается место его выдачи – «в Арке», т.е. в Кремле (Усманов, 1979, с. 34–35, 265). Эти косвенные данные указывают на то, что в Казани уже в XV в. укреплен был не только посад и ханский двор, но и существовала такая единица обороны, как кремль. Впрочем, это подтверждается археологически (Хузин, Ситдииков, 2005, с. 96–98).

Некоторые дополнительные сообщения, имеющие отношение к фортификации можно почерпнуть и из посольских книг XVI в. Несмотря на то, что она довольно отрывочна и скудна, мы имеем некоторые сведения, отраженные в дипломатических грамотах, касающихся связей с Ногайской Ордой. Сюда можно отнести сообщения под 1551 г. о подготовке завоевания Казанского ханства и постройке Свияжска во время похода Шейх-Али: «землю Казанскую воюют добре и села жгут и города ставят», способах осады Казани: «силу взяв, пришед, Казань облег» и ее обороны с использованием пушек и пищалей (Посольские книги, 2006, с. 54, 59, 61). Говорится в документах и о некоторых переправах через р. Каму, в частности, о «Чаллыеве перевозе», для контролирования которого, как нам известно, существовал Чаллынский городок – современное Чаллыновское городище (Борынгы Чаллы, 2000), а также упоминаются «остроги и крепости по Арской дороге» (Посольские книги, 2006, с. 61).

Будучи очевидцем и участником осады, а также последнего штурма Казани, А.М. Курбский оставил ценные сведения о некоторых фортификационных постройках города 1552 г. Автор указывает, что Казань стоит на неприступном месте, упоминает об угловой вышке в районе впадения протоки Булак в р. Казанку, а также пишет об очень глубоком крепостном рве, выкопанном от Булака до озера Поганое, высоких башнях и городских стенах (Древняя Казань, 1996, с. 122, 123). Кроме этого, неоднократно А.М. Курбский говорит о большой башне, «что стояла на горе у ворот», башенных амбразурах, больших крепостных воротах; также ханском дворе, обнесенном «большим забором» и Тезицком рве (Древняя Казань, 1996, с. 129, 130, 131, 133). Сведения о наличии крепостных башен города относятся и к более раннему времени – походу на Казань князя Дмитрия Углицкого в 1508 г, когда упоминается «стрельница града», с которой казанский хан Мухаммед-Эмин наблюдал за русским войском (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 235)³.

³ Стрельница – древнерусское название крепостной башни.

Представляет интерес и краткий эпизод обороны казанцев, которые «на стены вскака-ху, и бияхуся з града, ... и колием изостренным и камнем бросяху, и смолою, и водою кипящею в котлех на подскакающая воины блиско к стене возливаху...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 132–133). А.М. Курбский дает краткие сведения и о центральной части цитадели – ограде ханского двора: «бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» (Источники по истории Татарстана, 1993, с. 33).

Есть у А.М. Курбского и упоминание о заставе «в двух примерно милях от города», где казанцы «соорудили было стены на горе между большими болотами...» и Арской крепости, которая стояла пустая (Древняя Казань, 1996, с. 127, 128).

После захвата Казани войсками Ивана IV ее сохранившиеся фортификационные постройки продолжали использоваться по своему прямому назначению. Поэтому некоторые источники второй половины XVI в. еще отражают необходимую для нас информацию.

Английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон во время путешествия по р. Волге в 1558 г. оставил краткое замечание об еще оставшихся крепостных сооружениях ханской Казани: «Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал снести старые стены и выстроить новые из белого камня» (Знаменитые люди, 1999, с. 32).

Интереснейшим источником по топографии ханской Казани являются «Писцовые книги города Казани», составленные в 1565–1568 гг. Они содержат подробные сведения, касающиеся, в том числе, и оборонительных сооружений. Здесь отмечаются «старые городовые стены», «старые городовые городни», «старый острог», а также упомянуто т.н. «Старое городище» (Древняя Казань, 1996, с. 141, 147, 148, 151).

Отрывочность сведений письменных источников, недостаточная их полнота по исследуемому вопросу конечно не случайна. Они были призваны, в первую очередь, отображать наиболее важные события, с точки зрения того времени. Поэтому задача полного описания некоторых аспектов военного дела и не стояла перед теми или иными авторами, безотносительно их профессиональных знаний или отсутствия таковых. Вместе с тем, мы имеем довольно значительный материал для попытки раскрытия общей картины болгарского и «ханского» оборонительного зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова А.А.* Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 33–43.
- Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2000. 320 с.
- Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1998. Т. 3. 624 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Губайдуллин А.М.* Фортификационный словарь. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. 144 с.
- Древняя Казань глазами историков и современников / Сост.и и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Фест, 1996. 448 с.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / Сост., авт. биографий и коммент. А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань: «Kazan–Kazan», 1999. 424 с.
- Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) / Сост. С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. 160 с.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 184 с.
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Вост. лит-ра, 1999. 254 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 392 с.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. М.: Вост. лит-ра, 1962. 578 с.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Наука, 1962. 384 с.
- ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 355 с.
- ПСРЛ. Т. XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 272 с.
- ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 310 с.
- ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Наука, 1965. 505 с.
- ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 546 с.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: Археографическая комиссия, 1921. 272 с.
- Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 137 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений / Под ред. А.А. Ромаскевича, С.Л. Волина. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 308 с.
- Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1979. 322 с.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Древняя Казань. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 152 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru